

На картине был запечатлен именно тот момент, когда Цзи Цзиньжун провожал Сюаньу.

Правда, художник слегка преувеличил буйство стихии и устрашающий вид самого Сюаньу. Перед лицом гигантских, словно доходящих до небес волн и грозного морского чудища Цзи Цзиньжун стоял на носу корабля непоколебимо, с безмятежным лицом и спокойным достоинством, в котором не было ни тени страха.

Цзи Цзиньжуну показалось, что живописец изобразил его довольно статным. Он без ложной скромности похвалил:

— Превосходно.

Хань Шичжи ответил:

— Рад, что Вашему Величеству пришлось по нраву.

Цзи Цзиньжун и Хань Шичжи вышли наружу и неспешно прогулялись по дворцовому саду. Хань Шичжи почтительно следовал за императором, храня молчание.

Цзи Цзиньжун спросил:

— Как там А-Мэн?

Услышав вопрос о Чжансунь Мэне, Хань Шичжи невольно вспомнил их недавний спор. Чжансунь Мэн не жаловал науку, в его голове было лишь слово Воин, а не Ученый, и то, что он вообще согласился слушать наставления и читать военные трактаты, уже было большой уступкой.

Хань Шичжи доложил:

— А-Мэн в порядке, его нрав заметно смягчился. Еще немного тренировок, и он будет готов вести войска в бой.

Цзи Цзиньжун улыбнулся:

— Услышав это, А-Мэн наверняка обрадуется.

Чжансунь Мэн от природы был вспыльчив и действовал, не задумываясь, но появление Хань Шичжи словно было предначертано небесами — тот как раз мог обтесать его острые углы. Цзи Цзиньжун прекрасно понимал: никто не рождается мастером, всему нужно учиться, а людей — закалять. Раз он смог воспитать одного Вэй Тинцзюня, то сможет воспитать и второго.

Вот только теперь, когда рядом рыщет этот злой волк, он не может взяться за обучение лично — иначе тот зверь придет в ярость.

Пришлось перепоручить воспитание нрава Чжансунь Мэна Хань Шичжи.

Цзи Цзиньжун одобрительно посмотрел на своего приближенного.

Получив признание императора, Хань Шичжи почувствовал радость. Он не стал приписывать заслуги себе:

— Это лишь потому, что Ваше Величество доверяет мне.

Цзи Цзиньжун уже хотел что-то ответить, как увидел, что к ним направляется Чжэньнань-ван. Он еще не подошел, но его взгляд, острый как клинок, уже вонзился в них. Разумеется, не в императора, а прямо в Хань Шичжи.

Цзи Цзиньжун усмехнулся и сказал Хань Шичжи:

— Ступай.

Хань Шичжи тоже заметил приближение Чжэньнань-вана.

Будучи доверенным лицом, он смутно догадывался о непростых отношениях между императором и Чжэньнань-ваном. Видя невозмутимое лицо Цзи Цзиньжуна, Хань Шичжи невольно почувствовал укол в сердце. В его воображении Чжэньнань-ван был тем, кто, прельстившись красотой императора, замыслил недоброе. А их мудрый и милосердный государь ради блага Великой Ци вынужден терпеть домогательства этого дикаря из низов! Сколько же обид ему приходится глотать день за днем!

По сравнению с этим, неприязнь Чжансунь Мэна к нему самому — сущая мелочь.

Хань Шичжи тайком корил себя за излишнюю эмоциональность, из-за которой чуть не сорвал планы императора. Ведь Цзи Цзиньжун хочет вырастить из Чжансунь Мэна преемника Хоу Защитника Государства, чтобы тот мог противостоять Чжэньнань-вану!

Хань Шичжи решил, что в будущем будет мягче с Чжансунь Мэном и не станет столь требователен.

Цзи Цзиньжун даже не догадывался, какие картины рисует воображение его подданного.

Когда Хань Шичжи удалился, император с лучезарной улыбкой повернулся к широко шагавшему навстречу Чжэньнань-вану и позволил тому взять себя за руку. Раньше, когда Вэй Тинцзюнь видел его рядом с кем-то другим, он выглядел точно так же. Тогда Цзи Цзиньжун думал, что у друга просто плохое настроение, потому что другие подкармливали его тайком. Оглядываясь назад, он понимал: этот человек уже тогда испытывал к нему чувства, но притворялся, твердя о некой возлюбленной, — заставляя его так долго мучиться любопытством.

Чжэньнань-ван, видя, что Цзи Цзиньжун в прекрасном расположении духа, а в глубине его глаз пляшут искры насмешки, понял, что его широкая душа оказалась не такой уж широкой. Он невозмутимо произнес:

— Ваше Величество, боюсь, я никогда не научусь быть равнодушным.

Цзи Цзиньжун поднял голову, глядя на него, и улыбка коснулась его глаз:

— Я разрешаю.

Чжэньнань-ван замер.

Цзи Цзиньжун добавил с улыбкой:

— Я разрешаю тебе ревновать.

Чжэньнань-ван почувствовал, как в его сердце один за другим распускаются бутоны цветов.

Он был несказанно счастлив.

Этой же ночью Чжансунь Мэн пришел к Хань Шичжи.

Они проговорили при свечах до глубокой ночи. Хань Шичжи не стал упоминать трудное положение Цзи Цзиньжуна, лишь намекнул на чрезмерное влияние Чжэньнань-вана. Хотя Чжансунь Мэн не любил много думать, под наставничеством Хоу Защитника Государства он научился видеть суть: даже такой верный слуга, как Хоу, не раз признавал, что Чжэньнань-ван вполне может захватить трон Великой Ци.

Стоило Хань Шичжи начать, как Чжансунь Мэн всё понял. Вспомнив, что император поручил Хань Шичжи следить за его обучением, он ощутил одновременно и трогательную благодарность, и стыд. Благодарность за то, что Цзи Цзиньжун возлагает на него надежды, и стыд за то, что его приходится принуждать к чтению военных книг.

Чжансунь Мэн поднял взгляд на Хань Шичжи.

— Ты...

— Ты...

Они заговорили одновременно.

Переглянувшись, оба рассмеялись, и дневное напряжение вмиг рассеялось. Чжансунь Мэн продолжил:

— Раньше я был олухом, делал всё бездумно. Шичжи, не волнуйся, больше я не буду валять дурака. Как только Его Величество разделается с Сиян, я поведу войска на север. Яньбэй с древних времен наш!

При упоминании Яньбэя взгляд Хань Шичжи дрогнул. Он произнес:

— Не спеши. Действовать нужно постепенно.

Чжансунь Мэн ответил:

— Как действовать — это ваша забота, мое дело — сражаться... — он хотел добавить слово в битве, но вовремя прикусил язык. Разве Хань Шичжи не больше всего ненавидел его безрассудство?

Однако Хань Шичжи не рассердился, а, напротив, улыбнулся:

— Если не хочешь думать — не страшно, мы подумаем за тебя. Но на поле боя всё меняется в мгновение ока, случается то, чего не предвидеть из тыла. Победа — а зачастую и жизнь — зависят от одного единственного мига. Император велит тебе учить тактику, чтобы ты понимал стратегию, избегал опасностей и сохранил жизнь себе и тысячам воинов Великой Ци.

Чувствуя искренность в голосе Хань Шичжи, Чжансунь Мэн ощутил тепло в груди. Глядя на его улыбающееся лицо, он почувствовал, как сердце забилося чаще:

— Я понял. Отныне буду делать всё, что ты скажешь.

В этот момент за окном забарабанил дождь. Чжансунь Мэн обрадовался:

— Дождь пошел! Позволь мне остаться у тебя на ночь?

В такую погоду негоже выгонять гостя, и Хань Шичжи кивнул. Не успел он позвать слуг, чтобы те подготовили постель, как Чжансунь Мэн уже скинул верхнюю одежду, сапоги, носки и, ничуть не смущаясь, забрался в кровать.

— Шичжи, от твоей постели пахнет так же приятно, как от тебя самого, — заявил он.

Лицо Хань Шичжи вспыхнуло, он с досадой произнес:

— Когда ты уже станешь серьезнее?

Чжансунь Мэн знал, что ученые люди — народ деликатный, и не стал больше дразнить его. Он зарылся в одеяло, похлопал по свободному месту рядом и, словно хозяин дома, скомандовал:

— Шичжи, ложись скорее, будем лежать и болтать.

У Хань Шичжи не было сил спорить с таким грубияном, он разделся и лег. Они оказались так близко, что было слышно дыхание друг друга, и Хань Шичжи чувствовал, как вздымается и опускается крепкая грудь Чжансунь Мэна.

Тот впервые оказался так близко к Хань Шичжи. Запах от него был таким приятным, что Чжансунь Мэн невольно принялся:

— Шичжи, ты и правда очень вкусно пахнешь.

Хань Шичжи разозлился:

— Еще слово — и выйдешь вон!

Чжансунь Мэн мгновенно закрыл рот.

Хань Шичжи сказал:

— Спи давай, к утру дождь точно кончится. — Он закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен.

Чжансунь Мэн смотрел на лицо Хань Шичжи, которое было совсем рядом. Длинные ресницы казались крошечными щеточками, которые то и дело касались его сердца. А еще этот красивый нос, губы, подбородок... и ключицы...

Чжансунь Мэн почувствовал странное волнение, должно быть, от выпитого вина по телу разливался жар. Глядя на уставшее лицо спящего Хань Шичжи, он ощутил необъяснимую нежность.

Хань Шичжи так старается — должно быть, ради Яньбэя?

Чтобы вернуть Яньбэй, он, едва освоившись на новой должности, штудировал военные трактаты, помогая ему разобраться в тонкостях! Вспомнив о землях Яньбэя, отданных прошлым императором тюркам, Чжансунь Мэн преисполнился решимости. Раз император и Хань Шичжи

так верят в него, он непременно должен отвоевать эти земли!

И тогда Его Величество будет счастлив, и Шичжи тоже, верно?

С этими мыслями Чжансунь Мэн провалился в сон. Его руки и ноги бессознательно обвили Хань Шичжи, и, чувствуя тепло его тела, он, не стесняясь, прижал его к себе покрепче.

Так они и уснули.

Цзи Цзиньжун и Чжэньнань-ван еще не спали.

За окном капал дождь.

Цзи Цзиньжун не любил дождливые дни. Раньше, когда начинался дождь, его болезнь обострялась, а вслед за сыростью и холодом приходили бесконечные муки и беспмятство. Это чувство, когда тело и разум тебе больше не принадлежат, было невыносимым, и он не хотел бы испытать его снова. Даже теперь, когда он был здоров, шум дождя по-прежнему навевал неприятные мысли:

— Зима на дворе, а льет без конца.

Чжэньнань-ван ответил:

— Через несколько дней пойдет снег.

Цзи Цзиньжун замер:

— Снег...

Он никогда не трогал снег. В детстве, если он простужался даже от дождя, что уж говорить о снеге — никто бы не позволил ему выйти наружу. Вэй Тинцзюнь, будучи еще несмышленым, втайне от всех выбегал на улицу, набирал горсть снега, прятал за пазуху и, крадучись, прибежал к нему: «Ваше Высочество, там снег! Вам нельзя выходить, я принес немного, чтобы вы потрогали!» Но когда он доставал руку из-за пазухи, там уже ничего не оставалось — всё растаяло! Вэй Тинцзюнь тогда растерянно хлопал глазами и плакал: «Ведь только что было, совсем чуть-чуть!»

Об этом узнал императорский лекарь и наябедничал отцу Вэй Тинцзюня.

На следующий день Вэй Тинцзюнь пришел с опухшими глазами — очевидно, долго плакал — и со следами побоев. Тогда он был совсем мал и не мог понять, почему то, что доступно каждому, для него навсегда под запретом.

Цзи Цзиньжун был разочарован, но не мог видеть Вэй Тинцзюня таким печальным, поэтому сказал ему:

— Снег холодный, что в нем хорошего?

Он не знал, поверил ли тот. Но помнил, что с тех пор Вэй Тинцзюнь больше никогда не произносил слово снег в его присутствии.

Цзи Цзиньжун вспомнил прошлое, и Чжэньнань-ван тоже. Именно тогда он осознал, что его император каждую минуту балансирует на грани жизни и смерти — всё, что для других было обыденностью, для него становилось смертельной угрозой.

Тогда его охватил неопиcуемый ужас. Он готов был сам страдать вместо Цзи Цзиньжуна, сам лежать в постели.

Поэтому позже он предпочел бы, чтобы император его ненавидел или гнал прочь, лишь бы заставить его отказаться от вредных привычек и беречь себя.

Когда он был в столице, он всегда дежурил у покоев императора. Во-первых, чтобы никто не принес ему жирной еды, а во-вторых... во-вторых, он боялся.

Боялся, что его император уснет и больше никогда не проснется.

По крайней мере, когда этот миг настанет, он хотел быть рядом.

Чжэньнань-ван протянул руку и обнял Цзи Цзиньжуна.

Они лежали под одним одеялом, но в их близости не было страсти. Чжэньнань-ван прошептал:

— Ваше Величество, когда пойдет снег, мы пойдем любоваться цветами сливы.

Цзи Цзиньжун ответил:

— Слива не любит первый снег, она любит поздний.

Хотя он не мог ходить любоваться ими, он знал повадки этих цветов.

Чжэньнань-ван сказал:

— Тогда дождемся позднего снега. Ваше Величество, теперь мы... — он прижал его к себе еще крепче, — теперь мы можем ждать сколько угодно. Когда покончим с делами в Силян, я приглашу мастеров из уезда Чэнхай, чтобы они собрали побольше цветов и приготовили сливовую росу. Люди из Чэнхая знают в этом толк. Если капнуть капельку такой росы в вино, оно приобретет аромат цветов сливы — вкус изумительный.

Цзи Цзиньжуну показалось, что он уже чувствует этот аромат.

Он радостно воскликнул:

— Хорошо!

Они еще немного поговорили и постепенно погрузились в сон.

На следующее утро Цзи Цзиньжун спросил:

— Эта Система, она под твоим контролем?

Чжэньнань-ван понял, о чем речь. Он кивнул и позволил Системе Мятежного Чиновника и Предателя выпустить погулять Систему Монарха Погибшего Государства.

Система Монарха Погибшего Государства: «...»

Слава небесам, он наконец-то увидел свет!

Цзи Цзиньжун не дал Системе возможности жаловаться и просмотрел выданные ею задания.

Как хозяин Системы Монарха Погибшего Государства, он прибыл в этот мир с простой задачей: тихо-мирно дождаться падения государства и смены династии в Великой Ци!

Когда династия сменится, его миссия будет завершена, и он сможет с честью уйти.

Разумеется, было бы неплохо, если бы он заодно «прихватил» с собой Вэй Тинцзюня.

Чжэньнань-ван тоже просмотрел свои требования.

Сверившись, они поняли, что цели их совпадают.

— Смена династии.

Цзи Цзиньжун мысленно обратился к Системе:

— Достаточно просто сменить династию?

Чжэньнань-ван, управляя Системой, мог слышать этот разговор. Услышав вопрос, он воскликнул:

— Ваше Величество!

Цзи Цзиньжун посмотрел на него.

Чжэньнань-ван крепко сжал его руку. Стоило ему подумать о восхождении на трон, как в памяти всплывал тот кошмар — он ни за что не хотел бы пережить это снова! Даже если бы Цзи Цзиньжуна не было рядом, он не согласился бы надеть принадлежавшие ему драконьи одежды и сесть на его трон!

Чжэньнань-ван сжал пальцы, крепко удерживая ладонь императора.

Цзи Цзиньжун жестом попросил его не волноваться и продолжил спрашивать:

— Достаточно сменить династию, неважно, кто это сделает и как?

Системы немного помедлили, после чего дали утвердительный ответ:

— Да, достаточно сменить династию, неважно, кто и как это сделает.

Цзи Цзиньжун заключил:

— Иными словами, Главный Мозг хочет, чтобы этот мир обновился и тем самым продвинулся в своем цивилизационном развитии?

Системы долго обменивались данными и решили, что слова Цзи Цзиньжуна звучат весьма разумно. Разве их не для того сюда послали, чтобы мир развивался в лучшую сторону? Чем лучше становится мир, тем больше энергии он может дать Главному Мозгу и Системам! И после слов Цзи Цзиньжуна их существование внезапно обрело высокий смысл — пусть названия у них и не самые приятные, но созданы-то они ради великой цели!

Система Монарха Погибшего Государства тронута ответила:

— Да, господин хозяин, мы именно ради этого сюда и прибыли!

Цзи Цзиньжун слегка улыбнулся:

— Превосходно. Мы непременно выполним задание.

Силян в конце концов сдался.

Император устроил пир, старые сановники захмелели и завели пьяные разговоры о Великом Единстве, о котором мечтали веками, о верности, что не менялась тысячи лет. Перед лицом такой радости все тени в душах людей рассеялись, и дряхлеющая Великая Ци вновь встретила рассвет, наполнившись кипучей энергией.

Юг умиротворен, запад покорен, остался лишь север.

Цзи Цзиньжун не заговаривал об этом, Чжэньнань-ван молчал, а придворные боялись поднять эту тему — все опасались, что нынешнее процветание лишь мимолетный блеск. Вместо того чтобы рисковать и вступать в схватку с могущественными тюрками, лучше было удержать то, что есть.

Цзи Цзиньжун не спешил.

Незаметно подкрался конец зимы. Цзи Цзиньжун уже несколько раз любовался снегом и перестал испытывать любопытство к этому зимнему чуду, которое раньше было ему недоступно. В тот день он услышал, что в южном пригороде за одну ночь расцвели все сливы, и загорелся желанием съездить туда. Он взял с собой Хань Шичжи и Чжансунь Мэна — Чжэньнань-ван уехал по военным делам на три-пять дней, и, если верить расчетам, как раз должен был вернуться. Если повезет, они могли встретиться.

Цзи Цзиньжун видел сливы, но не видел их целыми рощами, поэтому, добравшись до пригорода, невольно залюбовался.

Слухи оказались правдой: в снегу расцветала целая роща. Присмотревшись, он увидел нежные лепестки — розовые, белые, красные, одни простые, другие многослойные. Каждый лепесток был словно выточен небесным мастером: тонкие, как крылья цикады, они выдерживали тяжесть снега, гордо расцветая даже под его слоем. Ни один мастер не смог бы создать подобное.

Цзи Цзиньжун вдыхал аромат сливы и холодный воздух. Он плотнее закутался в соболью шубу и, прижимая к груди грелку, сказал:

— Красиво. Но холодно.

Чжансунь Мэн, привыкший к характеру императора, беззаботно подшутил:

— Ваше Величество, вы такой мерзляк!

Цзи Цзиньжун не обиделся. По сравнению с чопорными стариками при дворе, ему больше

нравились такие молодые люди, как Чжансунь Мэн. Молодость — это энергия и живость.

Чжансунь Мэн продолжал болтать:

— Говорят, если пройти вдоль сливовой рощи, там будет маленькое озеро, а у него — харчевня. Там можно выпить вина и закусить. Ваше Величество, Шичжи, давайте попробуем?

Услышав про еду, Цзи Цзиньжун, конечно, не отказался.

Хань Шичжи, видя, что император, хоть и любит вкусно поесть, все еще хрупок (сказывалось слабое здоровье в детстве), не стал возражать. Он лишь спросил:

— А эта харчевня надежна?

Чжансунь Мэн больше всего не любил, когда сомневались в его способностях — он ведь всё проверял сам!

— Конечно надежна! Зная, что Ваше Величество едет, я велел всё проверить. Не только хозяина, но и его предков до третьего колена — ничего подозрительного. Все работники из окрестных деревень, лица знакомые.

Цзи Цзиньжун улыбнулся:

— Ты потрудился на славу.

Хань Шичжи понял, что был излишне осторожен и испортил им настроение, поэтому замолчал, слушая, как Чжансунь Мэн расхваливает местные деликатесы. Когда они сели за стол, его взгляд невольно устремился наружу.

Озеро покрылось льдом, дети играли на нем, догоняя друг друга. А вдалеке, в переплетении сливовых веток, буйствовало цветение.

Чжансунь Мэн заметил молчание Хань Шичжи:

— Шичжи, что с тобой?

Хань Шичжи не сразу пришел в себя:

— Яньбэй... — слово вырвалось само собой, и он тут же замолчал. — Прошу Ваше Величество простить мне мою несдержанность.

Цзи Цзиньжун ответил:

— Мы приехали отдохнуть, не будь таким скованным. — Он мягко посмотрел на него. — Ты вспомнил про Яньбэй?

Хань Шичжи не стал отрицать и кивнул.

Цзи Цзиньжун сказал:

— Я был слишком мал, не помню.

Он имел в виду, как выглядел Яньбэй.

Хань Шичжи, видя, что император не сердится, почувствовал невыразимую благодарность. Он стал рассказывать:

— Яньбэй не так богат, как столица или земли Цзяннани, это суровый край. Климат там тяжелый: весной и летом засуха, осенью и зимой — лютые морозы, зерно почти не растет. Еда там грубая, самое лучшее угощение — это окровавленная дичь, зажаренная на костре. Наешься мяса — и сыт.

Цзи Цзиньжун молчал.

Хань Шичжи продолжил:

— В детстве я не любил Яньбэй, мечтал о процветающей столице и вечно донимал отца: почему мы не едем в столицу? Почему все уезжают, а мы нет?

<http://bllate.org/book/22178/2310785>